

ПРИЛОЖЕНИЕ

А.Н. Муравьев

Амальфи*

Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) вошел в историю русской культуры благодаря возрожденному им жанру паломнической литературы. Будучи чиновником при Св. Синоде, он начал свою писательскую деятельность как поэт-романтик, однако вскоре обрел призвание в церковно-исторических сочинениях, получив известность после книги «Путешествие по святым местам русским» (1836).

* Фрагмент 15-го письма, «Обитель Кавы, Салерн, Пестум и Амальфи», из «Римских писем» А.Н. Муравьева (Ч. II, СПб., 1846, с. 229-253).

С помощью Муравьева, неутомимого странника по христианскому Востоку, был учрежден Русский Андреевский скит на Афоне и началось устройство странноприимного Св.-Николаевского дома в Мирах Ликийских, прерванное там турками и возобновившееся уже в Бари.

Особое место занимают его “Римские письма” (1846), высокохудожественное описание “религиозного путешествия” в 1845 г., до сих пор не переизданное. В Италию он прибыл, впрочем, не как простой вояжер: его влияние в обществе было настолько велико, что в некотором смысле Муравьева можно было считать “неформальным” посланником Русской Церкви. Он и сам осознавал себя таковым, называя себя ни много, ни мало, как «наблюдательным оком Православия»¹. Стержнем “Римских писем” стало обоснование вселенского характера Православия, его «кафоличности». Однако, если большинство страниц книги Муравьева носили отпечаток традиционной полемики Запада и Востока, хорошо ему знакомой², то в Амальфи интонации автора становятся умиротворенными и благостными: эта глава исполнена восхищения перед природой и историей края, сумевшего сохранить также и важнейшую христианскую святыню – мощи св. Апостола Андрея Первозванного.

Последние годы писатель жил в Киеве, где составил Акафист св. Апостолу Андрею Первозванному и где был погребен в крипте знаменитого Андреевского храма «над спуском». – М.Т.

¹ Муравьев А. Н. Римские письма... С. 2.

² Перу Муравьева принадлежит также апологетическое сочинение «Правда Вселенской Церкви о Римской и прочих кафедрах» (М., 1841).

Поздно вечером возвратились мы в Салерн³ и рано утром пустились, на шестивесельной лодке, в Амальфи. Море еще накануне бурное, голубым зеркалом разостлалось перед нами, иногда только тревожимое вдоль берегов беспокойною волною. Салерн просыпался в лучах яркого солнца, весь дальний берег Пестума утопал в утренних туманах; но на ближних утесах поморья, мимо коих быстро неслась окрыленная ладья, живописно появлялись, одно за другим, роскошные селения, с своими виноградниками, раскинутые по горам, иногда осененные высокою колокольнею. Глубокий овраг разделял на двое красивый город Виетри⁴, чрез который мы ехали накануне, из обители Кавы⁵. Далее приютилось в ущелье, на самом берегу моря, селение рыбаков Цитра⁶, с своею скромною церковью. Потом вдался в море утесистый мыс, увенчанный готически-

³ Мы оставили авторское написание города *Salerno*; в русской литературе встречается и оригинальная версия топонима в женском роде, Салерна – см. *Всеволожский Н. С.* Путешествие через Южную Россию, Крым, Одессу, Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж. Т. 2. М., 1839. С. 2.

⁴ *Vietri sul Mare* (Виетри, совр. Вьетри, «на море») – селение, с которого «начинается» Амальфитанское побережье.

⁵ Бенедиктинское аббатство Св. Троицы, основанное салернитанским патрицием Альферيو Паппакарбоне в 1011 г. в местечке Кава, совр. *Cava de' Tirreni*. См. начало 15-го письма: «Иноки Бенедиктинские свили себе выспреннее гнездо на вершине горы, покрытой лесом, там где малый ручей, пробиваясь из утеса, образует своим падением, с камня на камень, малую ложбину в чаще дерев. Нельзя было избрать места более очаровательного и удобного, для ученых любителей безмолвия, каковы были дети блаженного Бенедикта, и их обитель заняла едва ли не второе место после родоначальной на горе Кассино»; автор также описывает «смиранный грот отшельника Альферия», а также внушительную монастырскую библиотеку

⁶ *Cetara*, Четара: автор латинизирует топоним - в самом деле, по одной из версий, он происходит от растущих тут в изобилии *цитрусовых*.

ми башнями, а позади его выло море, как вторая Скилла, и от прибой волн образовалась глубокая пещера, блестящая своими сталактитами. Вот и очаровательный залив, оживленный тремя богатыми селениями: Минори, Майори и Атрани⁷, родиною Мазаниелло⁸, которые почитались все предместьями Амальфи, во дни его республиканской славы. С чувством народной гордости указал нам один из гребцов наших на дом знаменитого рыбака и минутного властителя Неаполя, Мазаниелло, стоявший над пещерою на верху горы. Память его еще свежа в сердце народном, хотя так горько кончил он свое поприще! Подле Атрани, но за горою, внезапно предстал Амальфи, в своей узкой долине, столь очаровательной для взоров, массою зелени и белых домов и диких башен, раскинутых по утесам, и самую картину города, который однако мало сохранил следов своего древнего величия.

⁷ *Minori, Maiori, Atrani* – малые селения Амальфитанского побережья, «предшествующие» собственно Амальфи, столице края. Отметим, что у автора вместо Атрани ошибочно стоит Трани, название портового города в Апулии.

⁸ *Tommaso Aniello d'Amalfi*, Томмазо Аньелло д'Амальфи (1620–1647), более известный как Мазаньелло, вождь неаполитанского восстания 1647 г., в действительности, родился в Неаполе – преданию о его амальфитанском происхождении способствовала его фамилия, д'Амальфи (т.е. из Амальфи).

Первым моим движением было устремиться в собор, где, как я слышал еще в Риме, почивают мощи моего Ангела, Апостола Андрея Первозванного, перенесенные из Царьграда [в 1208 г.]. Широкое крыльцо, о пятидесяти ступенях, величественно подымалось, от самой площади, где стоял лик Апостола над фонтаном⁹, в возвышенный притвор, полувизантийский, полуарабский.

Семь легких аркад образовали чудный притвор сей, который простирается более влево от крыльца, к витиеватой колокольне и Архиерейским палатам, нежели вправо, где сокращали его городские здания. Три первые аркады и последние обращены в окна, украшенные прозрачными арабесками на витых столбиках; тремя средними входят под стрельчатые своды притвора, которые опираются на семь древних колонн, разных мраморов и ордеров¹⁰.

Заклочены были главные врата собора, медные византийские, с названиями Господа и Пречистой Матери, и двух Апостолов Петра и Андрея, промежду многих крестов; работа и самая надпись обличают десятый век, и они послужили в последствии образцом для многих других; но малые двери, по обеим сторонам, стояли отверсты и ими взошел я во внутренность храма.

⁹ Имеется ввиду статуя Апостола Андрея у фонтана с питьевой водой (1760 г.), прежде стоявшая непосредственно внизу лестницы (перенесена на совр. место в 1869 г.). Интересно заметить, что автор, зная об осторожном отношении православных к скульптуре, деликатно называет тут статую «ликом».

¹⁰ Исторический фасад, который описывает автор, серьезно пострадал во время урагана 1861 г., что послужило предлогом для его замены современным монументальным фасадом с мозаиками (при составлении ряда комментариев об убранстве собора использованы сведения, предоставленные амальфитанским архитектором Марией Руссо).

После такого притвора я ожидал увидеть какую-либо древнюю базилику, всю в столбах и мозаиках, но мне представилась обширная церковь, хотя и разделенная на три части по подобию базилик, однако с четверугольными столбами вместо легких колонн. На среднем престоле, который был прислонен к горнему месту и украшен шестью столбами зеленого мрамора, висела картина распятого Апостола, а подле стояло, на золотом подножии, его изваяние по обычаю западному¹¹. От самого престола и до ар-

¹¹ Алтарная часть базилики сооружена в 1711–1712 гг. по проекту архитектора Фердинандо Санфеличе, который использовал для ее украшения мрамор.

хиерейской кафедры, в так называемом хоре, где у нас алтарь, сидел весь соборный клир, в праздничных ризах; народ толпился в ярко освещенном храме.

Автор: User: MatthiasKabel – собственная работа, CC BY-SA 3.0

«Отчего здесь такое торжественное собрание?», – спросил я своего проводника. «Сегодня память перенесения мощей св. Апостола Андрея, из Константинополя в Амальфи», – отвечал он¹².

С радостным изумлением взглянул я на своего товарища. «Итак, мое желание исполнилось, – сказал я, – и здесь встречается нас торжество духовое, как и в Салерне; но оно тем сладостнее моему сердцу, чем ближе для меня мой Ангел.»¹³

«Где же его гробница?» – спросил я моего проводника. – «Сойдем в подземелье, – отвечал он, – туда пошел сейчас священник, чтобы служить обедню.»

морное убранство древней церкви Санта Мария в Позитано; автор алтарного полотна «Мученичество Апостола Андрея» (1710-е гг.) – Андреа дель Аста, расписавший также конху базилики.

¹² Перенесение мощей Апостола празднуется в Амальфи 8 мая нов. ст.; эту дату и сам Муравьев сообщает ниже.

¹³ В начале XV письма автор рассказывает о посещении крипты собора в Салерно, где почивают мощи св. Апостола Матфея, в самый праздник перенесения этих мощей – «... я подумал, в глубине души: “Ах, если бы и св. Апо-

Еще более утешился я столь благовременным посещением святилища. Мы спустились, тридцатью мраморными ступенями, в подземную церковь, которая находится под главным алтарем. Там уже стоял священник, над гробовым престолом, читая входные молитвы.

Автор: Berthold Werner, CC BY-SA 3.0

Я стал на колени с народом, возле решетки, все молились усердно; хотя обедня совершалась безмолвно, и с чуждыми для меня обрядами, но мне отрадно было видеть освящение даров, над мощами моего Ангела, который засвидетельствовал своими мучениями истину приносимой жертвы; невольно плакал я и молился, как бы у себя, потому что душа моя была исполнена святынею места.

«Ах, если бы я мог получить здесь какую-либо икону! – подумал я, – как это бывает в православной нашей родине, с каким бы утешением принес бы я домой такое благословение, от мощей Апостольских!»

Я решился попросить себе хоть несколько хлопчатой бумаги, которую опускают во дни праздников, чрез отверстие

стол Андрей Первозванный, мощам коего хотел я поклониться в Амальфи, встретил меня какую-либо духовной радостью!» но не смел высказать своей мысли» – «Римские письма», с. 221.

каменной гробницы, на самую раку, источающую так называемую манну, по местному благочестивому преданию. Когда же священник, сказав окончательное «*ite, missa est*»¹⁴, опустил с благословением народ, я воспользовался его удалением от престола, чтобы ближе припасть к священному гробу.

При свете неугасимой лампы видно было сквозь решетку, под алтарем, серебряное устье на каменной плите. Но если закрыта сама рака, по обычаю западному, где святыня мощей всегда находится под спудом, то нет ни малейшего сомнения, о пребывании здесь нетленных останков Апостольских; ибо по летописям церковным достоверно известно, что святые мощи перенесены были сперва из Патраса, где окончил свой подвиг Первозванный Апостол, в Царьград императором Константином, в 336 году¹⁵, и поставлены там в соборном храме св. Апостолов¹⁶.

Когда же, в 1204 году, крестоносцы овладели Царьградом и расхитили большую часть святыни восточной, то некто Петр, благородной фамилии Капуанской, родом из Амальфи (где его дядя, по имени Матфей, был в то время архиепископом), будучи сам легатом папским при стане крестоносцев, испросил у папы Иннокентия III позволение перенести мощи Первозванного в свое отечество, и это совершилось в 1208 году, 8-го мая, день поныне празд-

¹⁴ Формула отпуста в григорианской мессе; аналог церковнославянского «*с миром изыдем*».

¹⁵ Большинство исторических источников сходятся на дате 357 год.

¹⁶ Собор Двенадцати Апостолов вместе со всеми его святынями был полностью разрушен турками после покорения Константинополя, в т.ч. были уничтожены и мощи св. императора Константина Великого; уцелели только мощи св. Апостола Андрея, увезенные в 1208 г. крестоносцами.

нуемый в Амальфи, в который Бог меня сподобил поклониться гробу моего Ангела.

Странно однако, что мы, русские, для которых особенно должна быть священна память сего великого Апостола, водрузившего первый крест на горах Киевских и предрекшего грядущую славу нашей родины, мы, русские не знаем о нахождении святых мощей в Амальфи, хотя однако многие странствуют гораздо дальше в Бари, на поклонение святителю Николаю.

Роскошная сень над престолом опирается на четырех столбах зеленого мрамора, и под нею стоит великолепное бронзовое изображение Апостола, дар короля Испанского Филиппа III, который, по примеру двух своих одноименных предместников, много заботился об украшении подземного святилища, и точно все стены его и четыре пилястра, на коих лежат своды, богато убраны разноцветным мрамором¹⁷. Еще несколько малых престолов прислонено к стенам, и позади главного, где стоит довольно древняя икона Апостола, с его великим учителем Иоанном Предтечею, есть полкругие в виде горнего места, а впереди престола боле глубокая впадина служит хором, где собирается капитул около архиерейского седалища. Другая мраморная лестница, предназначенная для женщин, ведет из подземелья в верхний собор, и вообще роскошь украшений соответствует величию святыни.

Возвратясь в собор, окинул я беглым взором его величественное здание. Раззолоченный потолок украшен картинами, одного из лучших художников Неаполитанской школы, Андреа дель Аста, который усердствовал изобразить всю земную жизнь тезоименитого ему Апостола, начиная от мрежей ры-

¹⁷ Испанский король Филипп III (у автора, ошибочно, – Филипп IV) повелел декорировать крипту архитектору Доменико Фонтане, что и было осуществлено в 1600–1612 гг. Сам монарх посетил гробницу св. Андрея в 1602 г.

барских, на озере Галилейском, и до мученической кончины в Патрасе¹⁸; а над главными воротами представлено славное чудо Апостола, доселе празднуемое в церкви Амальфитанской: 27 июня [1544 г.], когда по молитве его рассеян был бурю страшный флот пирата Барбароссы, опустошавшего поморье Италии, после напрасной осады Мальты в XVI веке¹⁹.

Два гранитных столба, около архиерейской кафедры, одни остались от прежней колоннады; но другие витые столбики, с золотыми мозаиками, которые теперь служат подсвечниками, и две малые кафедры, по обеим сторонам алтаря, для чтения евангелия и апостола, напоминают еще первоначальное убранство базилики.

Я узнал впоследствии, что в начале минувшего столетия, архиепископ Амальфийский Михаил перестроил всю церковь на свое иждивение, в новом вкусе, и для прочности здания обложил осьмнадцать ее колонн четверугольными столбами, как

¹⁸ Деревянный кессонированный плафон, по проекту Арканджело Гульельмелли, вырезал Франческо Гори; его холсты написали, в начале XVIII в., Андреа дель Аста (у автора, ошибочно, – Аластро) и Джузеппе Каstellано.

¹⁹ Большое полотно, написанное Оттавио Элиани (сер. XVIII в.), в настоящее время находится на входной стене над боковой дверью, ведущей в первый неф.

это сделано и в Латеранском соборе Рима. Довольно мраморов для украшений, но нет уж прежнего вида²⁰.

По сторонам главного алтаря, есть два отдельные придела, как бы у нас жертвенник и диаконикон: в одном их них хранятся св. Тайны, в другом части св. мощей, перенесенных также из Царьграда, и между ними главы Апостола Иакова Алфеева, св. Василия Великого и кости св. Макария Египетского²¹. Порфиновая купель, найденная в развалинах Амальфи, стоит со входа и возводит мысль к первым векам Христианства; она и доселе служит для крещения младенцев. Два изящных, но языческих барельефа, изображающие похищение Прозерпины и брак Пелея, которые также найдены в окрестностях, привлекают на себя внимание, при переходе в прилегающую к собору церковь Распятия; она прежде служила усыпальницею знатных мужей Амальфи²². Теперь там хранятся, около престола, части святых мощей, перенесенные из бывшей капуцинской обители, и замечательная старинная икона, над внешними дверями, изображающая Спасителя между Богородицею и Предтечею, а внизу – пречистую Деву с предвечным Младенцем, посреди двух Апостолов Андрея и Иоанна; трудно разобрать верхние лики, ибо они стерты от времени.

²⁰ Перестройкой собора в начале XVIII в. решительно занимался зодчий Арканджело Гульельмелли, согласно поручению кардинала Микеле Болонья, заступившего на амальфитанскую кафедру в 1701 г. Работы, законченные к 1719 г., стали объектом критики уже во время их проведения.

²¹ В настоящее время эти (и другие) мощи, находятся в т.н. капелле Примиения, справа от главного алтаря собора.

²² В 1930-х гг. античные саркофаги, найденные в Пестуме, помещены в т.н. Райский дворик, с левой стороны от собора Распятия (древнего собора Амальфи, IX в., ныне музеефицированного) – Муравьев описывает дворик ниже. Именно Райский дворик, а не собор Распятия, как сообщает автор, служил усыпальницей знатных амальфитанских жителей.

Малый дворик, обставленный узкими аркадами и витыми столбиками, в мавританском вкусе, прилегает к сей церкви, как это бывает во всех базиликах, а вокруг него построен дворец архиепископа²³. У самого востока, на его высокое крыльцо, есть еще изваянная икона Богоматери и под нею древний барельеф, разделенный на две части, с ликами Спасителя, его двенадцати Апостолов и пречистой Девы²⁴.

Четырехъярусная узорчатая колокольня примыкает к палатам и собору, во вкусе византийском и полуарабском, с остатками древних колонн, вложенных в ее стены; она увенчана пятью главами, которые испещрены фаянсовыми плитками в виде мозаиков²⁵. Вот всё, что наиболее поразило меня, в близком моему сердцу соборе амальфитанском. Очаровательный вид открывается с его высокой паперти, на дикие утесы, увенчанные баш-

²³ И в настоящее время эта структура является резиденцией местного архиепископа, управляющего епархией Амальфи – Кава-дей-Тиррени.

²⁴ Мраморный барельеф т.н. Мадонны в снегах (delle Neve) изваян во второй половине XV в. Франческо Лаурана.

²⁵ Стрительство соборной колокольни началось в 1180 г., но закончилось только спустя век, в 1276 г.

нями, а расселины коих втеснился живописный город, омываемый мирными водами своего залива, и долго я мог оторвать взоров от сего чудного зрелища.

По выходе из храма провожатый повел нас в так называемую долину мельниц, необычайною по своей красоте, ибо там быстрый кристальный поток, который оживляет собою Амальфи, шумно стремиться из ущелья и, падая бесчисленными каскадами, из-под движимых ими колес, голосом вод своих наполняет город и долину. Над ним живописно склонились утесистые горы, усеянные виноградниками и древними замками.

Когда же возвратились мы в гостиницу, на берег моря, чтобы идти на самую вершину горы, в живописное селение Равеллу²⁶, проводник мой, человек старый и весьма благочестивый, сказал мне: «у меня есть для вас древность; хотите ли я велю вам принести ее, потому что она верно вам понравится?» – но я, не ожидая ничего хорошего, оставил без внимания такое предложение.

Мы пошли берегом моря, мимо селения Атрани, родины Мазаниелло, а оттоль стали подниматься на Равеллу, сперва по ступеням, между домов и церковей, а потом по каменной дороге, живописно пролегавшей между виноградниками, также по берегу горного потока, чрез который должны были часто переходить. Наконец, с большею усталостию, достигли выпренного селения, которое пришло, как орлиное гнездо, к темени утесов, господствуя над морем и всеми окрестностями. Византийские церкви, башни готические, древние дома в мавританском

²⁶ *Ravello*, Равелло – селение, основанное в V в. спасавшимися от нашествий варваров жителями Амальфитанского берега; в Средние века играло значительную роль, став и местопребыванием епископа. В настоящее время упраздненная кафедра используется для титулярных епископов Католической Церкви; последним таковым стал монсеньор Клаудио Гуджеротти, ватиканский дипломат и «архиепископ Равелло».

вкусе, ясно свидетельствовали, что убогая ныне Равелла пользовалась некогда благосостоянием и даже роскошью, и точно, это был город укрепленный местностью и стенами, который помещал в себя пятьдесят тысяч жителей.

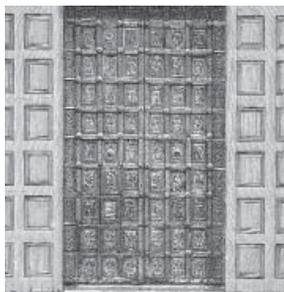
Нас провели сквозь бойницу, украшенную арабесками, и малый дворик, с аркадами в том же вкусе, в прежний дворец герцогов Норманнских, укрепленный полуразвалившимися башнями. Там останавливались короли Дома Ангевинского, Карл и Роберт²⁷, и папа Адриан IV, когда он посещал Равеллу [в 1156 г.]. Великолепная терраса, висящая над морем, еще доселе украшенная мраморами, и оттоль открывается самый очаровательный вид, на обширный залив Салерский и на прибрежные селения, Атрани, Минори, Майори, и на дальний берег Пестума. Теперь это частный дом, принадлежащий двум семействам Равеллы.

Подле бывшего дворца возвышается на площади византийский собор, во имя Успения Богородицы и св. Пантелеймона,

²⁷ Неаполитанские короли, представители Анжуйской (латинизированное: Ангевинской) династии: Карл I (1227–1285) и Роберт (1277–1343).

обновленной частью, но еще сохранивший в себе много восточного. Предание говорит, что здесь был прежде обитель иноков греческих, которое в последствии принуждены были уступить римлянам и храм свой, и фиал мученической крови св. Пантелеймона²⁸.

Церковь разделена на три части, по подобию базилик, хотя и закладены в пиластрах прежние столбы; великолепны бронзовые врата ее, работы греческой, которые устроил Сергей, патриций Равеллы, в XII веке, как о том свидетельствует надпись; они напоминают Корсунские врата Софийского собора в Новгороде, по своим изваяниям, ибо на их пятидесяти четырех досках изображены подвиги Христовы и лики Апостолов.

Но самым великолепным памятником искусства византийского, сохранилась в соборе кафедра, для чтения Евангелия, вся в золотых мозаиках, с резными украшениями птиц и цветов:

²⁸ Одна из главных святынь амальфитанского края – флакон со сгустком крови, согласно преданию, собранной после усечения главы св. Пантелеимона Великомученика; точное время появления этой реликвии в Равелло неизвестно.

она стоит, на шести витых столбиках драгоценного мрамора, которые опираются, вместо подножия, на косматых хребтах шести мраморных львов; напереди кафедры черный базальтовый орел держит, в когтях своих, первые слова евангелия Иоаннова: «В начале было Слово».

Не должно удивляться византийскому устройству церквей, в Амальфи и ее окрестностях, а также и множеству памятников искусства греческого, которыми он украшены: потому что Амальфи, Неаполь и прочие города сего поморья, были до владычества норманнов, т.е. до XI века, под властью и влиянием императоров Константинопольских. Дожи Неаполя и Амальфи утверждались ими, с титулом анфипатов или патрициев, и сохранилось, в летописи Барония, письмо патриарха Цареградского Николая Мистика, к дожу Амальфийскому, Масталу, X века, касательно выкупа пленных у сарацин, в котором патриарх, благодаря его за оказанное усердие, прямо говорит, что Церковь Амальфийская вверена ему от Бога. И точно, до самого разделения Церквей Римской и Греческой, или лучше сказать, до завоевания Апулии и Калабрии норманнами, которым папа Лев IX, взятый ими в плен с оружием в руках, уступил произвольно достояние императоров Восточных, весь этот край, называвшийся Великою Грециею, зависел, в гражданском и духовном отношении, от Царьграда. Лучшим свидетельством того слу-

жит самый праздник перенесения мощей святителя Николая из Мир-Ликийских, уже бывших под властью сарацин, в калабрийский город Бари, который Церковь православная приняла в число торжественных дней своих, в начале XI века, чего бы не случилось, если бы южная часть Италии уже принадлежала Римской Церкви²⁹.

Весьма замечательна судьба республики Амальфийской, которая оказала столько услуг всей Европе. Основанная выходцами римскими, в IV веке, которые были застигнуты бурей на пути в Царьград, она удержала предприимчивый дух своих предков. Владычество лонгобардов остановилось на ее поморье, и князья Беневента и Салерна, из рода сих завоевателей, не могли покорить отважную республику, хотя временно овладевали ею. Она управлялась своими графами, префектами и наконец дожами, и ограждалась, именем императоров Восточных, от притязания Западных: угрозы Василия Македонского остановили Людовика. Но за то, сколько раз оружие амальфитян служило единственно оплотом всего поморья против полчищ сарацинских, которые поселились в Сицилии и даже на берегах Италии, и беспрестанными нападениями тревожили христиан. Несколько раз спасаем был ими Салерн, и однажды Рим, при папе Льве IV, который сам вышел к ним, до берега Остии, чтобы причастить из своей руки победителей; иногда приходили к ним на помощь и суда греческие. Они не уступали торговлею

²⁹ Неточность: праздник перенесения мощей св. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари был установлен уже после завоевания Юга Италии норманнами (1071 г.) и соответствующего его подчинения юрисдикции Римских пап. В действительности, установление этого праздника (не в начале XI столетия, а в его конце) свидетельствует о том, что схизма 1054 г. тогда, спустя всего несколько десятилетий, еще не проникла вглубь христианского сознания. Заметим также, что Бари – апулийский, а не калабрийский город; впрочем, в Средние века границы южно-итальянских регионов были зыбкими.

Венеции в IX, X и XI веке, когда еще Пиза и Генуя едва возникли. Конторы их рассеяны были по всему Востоку, даже в Кафе и Багдаде, и халиф Египетский позволил им основать в Иерусалиме, близ гроба Господня, странноприимный дом, который, во времена крестовых походов, обратился в славный орден странноприимных рыцарей, что ныне мальтийские. В каждом городе, где имели они торговую контору, им принадлежал целый квартал, который управлялся их особенными законами, и морское право Амальфийской республики сделалось впоследствии руководством для всех торговых народов.

Мужественно сопротивлялись амальфитяне и первым против них действиям завоевателей норманнских, которые укрепились, в начале XI века, в Сицилии и Калабрии. Еще первый Роберт Гвискард, Рогер сын его и Вильгельм, княжили в Салерне, в виду вольной республики Амальфийской; но второй Рогер, из графов Сицилийских, сделавшийся королем нового Норманнского государства, которое соединил в одно, под именем Неаполитанского, покорил себе и Амальфи. Это покорение было виною несчастного ее разорения, потому что князья рода Лонгобардского, хотевшие отстоять Беневент и Капую, подвигли против короля Рогера усилившуюся тогда республику Пизы, и флот пизанский, в 1135 году, воспользовавшись отсутствием войск амальфийских, которые осаждали Неаполь вместе с Рогером, разоряли город. Тогда были найдены, посреди сего разгрома, знаменитые таблицы амальфитанские, или нандекты Иустиниановы, которые впоследствии изданы были, во Флоренции, и пролили новый свет утраченного римского права, на грубое дотоле законодательство франкское и лонгобардское.

Горные города, Скала и Равелла, уцелели от сего разорения, но чрез несколько лет оно повторилось опять, оружием враждебных пизан, которые долго завидовали торговым успехам Амальфи, и с тех пор она на восстала в прежней славе, хотя про-

должала участвовать своими судами, в крестовых походах; в эту эпоху были перенесены в нее святые мощи Апостола Андрея Первозванного. Однако знаменитой республике, которая дала свое морское право и римские законы просвещенному миру, суждено было, даже и в состоянии падения, оказать еще одну неоцененную услуги, изобретением компаса, которым расширились пределы мореплавания,

один из ее граждан, Флавий Жиоия³⁰, в начале XIV века, и тем довершил славу своего отечества.

При династии королей Ангевивских и Арагонских, Амальфи был феодальным герцогством и переходил из рук в руки, чрез несколько именитых родов, которые были им награждаемы, за свои заслуги или по родству с королями и папами, доколе наконец, памятуя свою республиканскую славу, не откупилась деньгами, в XVII веке, от сей частной зависимости.

Такова краткая летопись Амальфи.

Посетив еще одну церковь Равеллы, во имя Предтечи, украшенную гранитными столбами³¹, мы стали спускаться, тою же горною стезею в Амальфи, и тогда опять проводник мой начал мне предлагать свою древность, уверяя, что она будет мне очень по сердцу. Между тем один из сыновей его, посланный вперед, принес нам на встречу сию древность, и сколь велики были моя радость и изумление, когда я увидел старинную икону Божи-

³⁰ *Flavio Gioia*, Флавио Джойя.

³¹ Церковь Сан Джованни дель Торо в Равелло.

ей Матери с предвечным Младенцем, девятого или десятого века, искусно вырезанную из слоновой кости, с византийскими столбиками по сторонам, и венчиком на них лежащим; она вся пожелтела от древности и раскололась в нескольких местах, но сохранила прежнюю красоту.

«Где нашел ты такую икону?» – спросил я у Милони (это было имя нашего проводника, о котором отзывались хорошо все путешественники). «Она не моя, – отвечал он, – но одной бедной женщины в Равелле, которая ее отыскала в развалинах церкви, подле своего дома, около четырех лет тому назад, и вот уже полтора года икона у меня хранится.»

«Но отчего же ты до сих пор ни кому ее не предложил? Раз-ве мало путешественников в Амальфи?»

«Бывают, – отвечал Милони, – но англичанам я не хотел ее отдавать, потому, что они не уважают икон, а католикам не случилось; вам же мне пришло на мысль предложить ее, еще в церкви.»

С радостью приобрел я сие сокровище и мысленно поблагодарил моего Ангела, который так скоро исполнил пламенное желание моего сердца и послал мне благословение от своих мощей.

Между тем мы пришли в гостиницу, где уже были приготовлены ослы, чтобы перевести нас вечером в Кастелламаре, по горной весьма трудной дороге. Мне хотелось прежде сходить в собор и положить там икону на гроб Апостола; но проводник мой уверил меня, что это не возможно, потому что до пяти часов церковь бывает заперта, а время не позволяло медлить, чтобы успеть достигнуть до ночи в Кастелламере. «Дорога трудна, – говорил он, – впрочем, Бог примет усердие ваше.»

Так я оставил Амальфи, но сердце мое не оставалось спокойным, потому что я не совершил желаемого. Подымаясь на крутые утесы прибрежной дороги, я с каждого из них озирался,

не увижу ли еще высокой колокольни собора? И мне грустно стало, когда она скрылась совершенно из моих взоров.

Мы достигли по стезям, почти непроходимым, до вершины берега, обращенного к Салернскому заливу, и пройдя одно селение и цветущую долину, с большею усталостью поднялись на самый хребет горы Св. Ангела, где, от уединенной часовни, открывается величественный вид на оба залива, Салерна и Неаполя. Не менее труден был обрывистый спуск, в долину Кастелламарскую, и уже совершенно стало темно, когда измученные мы достигли до нашего ночлега.

На следующее утро, еще до зари, отправил я одного из наших проводников в Амальфи, чтобы попросил кого-либо из клира соборного, освятить для меня икону, и к вечеру он принес ее мне обратно в Неаполь, с свидетельством от викария архиепископа, что икона сия, называемая Константинопольскою Божиею Матерью, действительно освящена была 9-го мая, на гробе Первозванного Апостола.

АМАЛЬФИТАНСКАЯ СВЯТЫНЯ:
СОВРЕМЕННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ ИСТОРИКА³²

М. Г. Талалай

Можно сказать, что Амальфитанское побережье живет под «сенью» своего изумительного кафедрального Свято-Андреевского собора (Duomo di S. Andrea), воздвигнутого ради достойного размещения одной из главных святынь христианского мира – мощей апостола Андрея Первозванного. Если учесть, что апостол считался покровителем Византии, «Второго Рима», и основателем Цареградской Церкви, то перенесение его мощей в 1208 г. из Константинополя для амальфитанцев становилось равнозначным переносу сакральности высшего порядка, чуть ли не усвоением статуса «Третьего Рима».

Неожиданное получение ценнейшей реликвии не явилось единственной причиной местного великолепия: Амальфи служил столицей одной из четырех могучих Морских итальянских республик, у которой, во время ее существования, с 839 по 1135 г., сложились развитые и плодотворные отношения со многими странами и народами, в особенности – с Востоком и с той же Византией.

Яркое выражение этих отношений – Амальфитанский монастырь «западного обряда» на Святой Афонской Горе. Мона-

³² Использован текст нашей статьи, опубликованной в: Андрей Первозванный – апостол для Запада и Востока. Сборник, посвященный 800-летию перенесения мощей в Амальфи (Италия) / под ред. М. Талалая и И. Языковой. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2011. С. 141-150 («Амальфитанская святыня и ее обрамление»).

стырь, основанный на Афоне в конце X в. бенедиктинскими монахами, в т.ч. выходцами из Амальфитанской республики, был упразднен в конце XIII в. после падения «франкократии», «ига франков», т.е. владычества европейцев-католиков (преимущественно французов) и соответствующей реакции византийцев против Запада. В настоящее время из построек обители сохранилась лишь башня, сохранившая название Амальфитанской.

Об этом уникальном учреждении не раз писали русские исследователи. Вот что сообщал о нем в середине XIX в. епископ Порфирий (Успенский):

Афон, как магнитная сила, в конце десятого века привлек к себе латинских монахов не из одного Рима, а и из итальянского города Амальфи, расположенного на берегу Тирренского моря, ниже столичного города Неаполя. Пришедши на Святую Гору до 980 года, амальфинские рабы Божии <...> купили себе место на правой стороне речки, вытекающей из-под большого и малого Афона с северной стороны этой горы, и тут почти у моря на красивом холме построили себе монастырь во имя Пресвятой Девы Марии, от которого остались поныне только башни и развалины водопровода³³.

³³ Там же.

Более подробнее об Амальфитанском святогорском монастыре писал современник преосвященного Порфирия, архимандрит Антонин (Капустин):

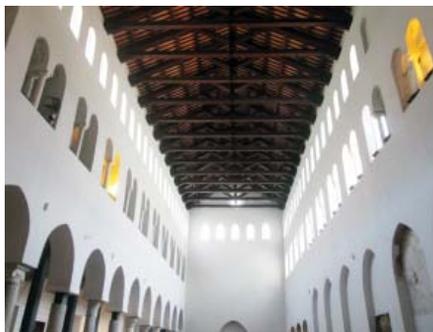
...над самым морем стоит высокий конический холм, от подошвы до верха поросший деревьями и увенчанный башнею с остатками других развалин. Место это называется теперь Морфину, а было некогда обителью православного братства латинского – амальфитанского. О, как трепетало сердце при воспоминании, или, точнее, – воображении сего минувшего братства народов Востока и Запада! Я под двумя актами (985 и 1169 г.) видел вместе с греческими, грузинскою и славянскою подписями и подпись латинскую. Под первым актом подписались двое монахов Sanctæ Lauræ, т. е. Лавры св. Афанасия – Iohannes и Arsenios. Под вторым подписался уже самостоятельный игумен Киновии амальфийцев, не различаемый хорошо по имени, – по-видимому, Иоанн. Под упомянутым выше филофеевским актом также есть подпись игумена амальфийцев монаха Витона <...> На минуту, можно сказать, блеснул этот светлый призрак единения народностей на поприще подвига, озаривши одну из прекрасных страниц афонского монашества, и исчез, к сожалению...³⁴

Всё это свидетельствует о блестящем «международном» прошлом Амальфитанского края. Один из его итогов – монументальный ансамбль кафедрального собора: его «прочтение» дает много нового для истории, не только местной, но и общеевропейской.

В настоящее время в соборный комплекс, частично музеефицированный, входят т.н. Райский дворик (Chiostro del Paradiso), базилика Распятия (Basilica del Crocifisso), крипта св. Андрея (Cripta di S. Andrea) с его мощами и собственно собор (Duomo).

³⁴ Антонин (Капустин), архим. Заметки поклонника Святой Горы. Серия «Русский Афон». М.: Индрик, 2013. С. 142-143.

Самая древняя его часть — базилика Распятия, основанная в 596 г.: долгое время именно она служила кафедральным собором.

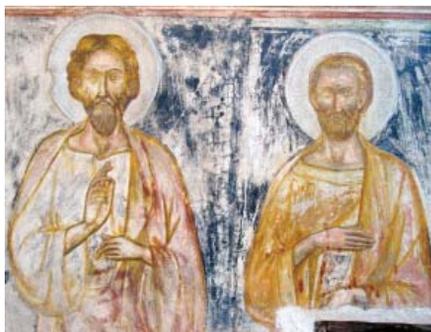
У западного ее фланга в конце X в. был устроен клуатр (ит.: кьостро), обращенный затем в привилегированное кладбище, землю для которого привозили первые крестоносцы из Палестины – отсюда и название Райский дворик, как обетование грядущего Рая для погребенных тут амальфитанских нобилей.

В начале XII столетия, в момент наивысшего расцвета Республики, появилось новое главное здание, нынешний собор, сформировавший с изначальной базиликой Распятия одно ше-

стинефное строение, в романском стиле – воистину великолепный символ богатого морского государства.

Позднее, когда эти обширные церковные пространства перестали соответствовать положению края, они были разделены сплошной стеной, образовав две разные церкви и получив новый барочный декор. Древняя базилика Распятия при этом по сути дела обратилась в придел Дуомо, в капеллу, играя отныне маргинальную роль в жизни города. Ее малая культурная значимость в итоге вызвала «соломоново» решение епархиальных властей – образовать тут Музей диоцеза Амальфи – Кава-дей-Тиррени³⁵. Таким образом, опустевший и деградировавший было древний храм заполнился богатой экспозицией, напоминающей о могуществе Амальфитанского берега в прошлом.

Вне сомнения, после падения Морской республики (из-за жесткой политики правителей соперничавших с ней Генуи и Неаполя), это могущество во многом сохранилось-таки, благодаря обладанию мощами апостола: как и в других европейских паломнических центрах, новые реликвии тут появлялись в ре-

³⁵ Таково официальное название Амальфитанской епархии, в которое включено селение Кава-дей-Тиррени в знак уважения к его старинному и некогда могущественному бенедиктинскому аббатству (XI в.).

зультате массового потока богомольцев, среди которых были и представители «сильных мира сего». Именно этот вновь прибывший в Амальфи корпус святынь и реликвий и получил богатое оформление, доступное теперь – в качестве музейных экспонатов – для всеобщего обозрения. Среди них выделяются бюсты-мошевики свв. апостолов Иакова Зеведеева и Иакова Алфеева, мученика Евстахия, преподобного Павла Фивейского, праведной равноапостольной Марии Магдалины, внушительная декорированная шкатулка-мошевик со сценами из жития свв. бессребреников Космы и Дамиана (частицы их мощей, к сожалению, утрачены). Тут же – крест с частицей Животворящего Креста Господня и реликварий с шипом из тернового венца³⁶.

Непосредственно к культу Первозванного относится другой богатый реликварий, прежде находившийся в крипте и сохранивший мироточивую субстанцию (в местной традиции – манна), исходящее от мощей апостола Андрея.

В базилике Распятия, в ее юго-западной части, – там, где сохранились фрески в византийском стиле «Коронование Девы Марии» и «Христос на престоле» — помещен также настенный образ основателя ордена госпитальеров (т.н. Мальтийского) и его первого гротмейстера, выходца из Амальфитанского края Герарда де Саксо (Джерардо Сассо)³⁷, причисленного Католической Церковью к лику блаженных. Фреска рубежа XII–XIII вв. представляет Герарда вооруженным мечом, хотя право на ноше-

³⁶ В экспозиции также выделяется т.н. Анжуйская митра, восхитительная работа неаполитанских мастеров, трудившихся при Анжуйском дворе и исполнивших ее, в 1297 г., для Людовика, епископа Тулузского, сына короля Карла II. Это воистину «царская шапка», равных которых нет в Европе. Фоном для драгоценных камней, вставок из золота служат около 20 тыс. жемчужин.

³⁷ Предполагают, что Герард де Саксо родился в местечке Скала, близ Равелло.

ние оружия, первоначально для охраны паломников в Палестине, получили от Римского Престола лишь его преемники.

До сих пор рыцари Мальтийского ордена часто проводят свои церемонии в Амальфитанском краю, в том числе принятие в орден новых кавалеров и кавалерственных дам. Символично, что госпитальеры усвоили герб Амальфи, восьмиконечный крест, впоследствии прозванный мальтийским.

Об орденских церемониях в базилике Распятия напоминает «Золотое руно» (Toson d'Oro), высочайшая награда Католической Церкви, предназначенная для монархов и вручаемая исключительно гроссмейстерами Мальтийского ордена. Орденский знак состоит из золотой цепи, с крестами апостола Андрея, завершенной большим рубином и изображением символического руна.

У спуска в крипту, к мощам апостола Андрея, водружен серебряный престол, шедевр неаполитанского ювелира Л. Кавальере (1711 г.). Прежде, до недавней реставрации, этот престол украшал раку Первозванного, и его горельеф представляет некоего паломника перед гробницей апостола, держащего в руках фиал с миро, источаемым от мощей Святого.

Крипта кафедрального собора – самое священное место в Амальфи, ибо именно тут хранится великая реликвия, мощи апостола Андрея Первозванного. Помещенные сюда в 1208 г., они никогда не извлекались из раки и не подвергались освидетельствованию.

Это перенесение мощей, из Константинополя в Амальфи, изображено и в самой крипте, на фреске слева от органа (худ. Аньелло Фальконе, XVI в.).

Автор: Berthold Werner, CC BY-SA 3.0

Миро, истечение которых от мощей документировано за последние 750 лет, собирается в особом хрустальном флаконе, помещаемым над ракой, внизу крышки в главном алтаре. Три раза в год, на праздники св. Андрея, крышку над ракой поднимают и извлекают флакон с влагой, которую затем распространяют в особых пакетах с ваткой.

Современные барочные формы крипты появились благодаря щедротам испанского короля Филиппа III. Своды расписаны в 1660-е гг. сценами Страстей Господних. Главный мраморный алтарь – работы Доменикино Фонтаны, в то время как центральная статуя Первозванного изваяна в 1604 г. флорентийским маэстро Микеланджело Наккерино, учеником Микеланджело Буонарроти. Весом 800 кг и высотой 2,36 м, она напоминает знаменитое изваяние Моисея в римской церкви

Сан Пьетро ин Винколи. По сторонам – мраморные статуи свв. архидиаконов Лаврентия и Стефана, резца Пьетро Бернини (отца Джан-Лоренцо Бернини).

Часть честной главы Первозванного, хранившийся в особом киоте с тыльной стороны алтаря, теперь перенесен наверх, в т.н. Капеллу примирения (другие большие части главы апостола Андрея хранятся в Греции – в Патрах и на Афоне, в Свято-Андреевском ските).

Великолепный Дуомо, поставленный над криптой, встречает посетителя пышным барочным убранством (к сожалению, оно скрыло первоначальную строгость и линейность романской постройки). Разноцветные мраморы, торжественный Большой алтарь, роскошный золотой плафон – все это по праву выдвигает амальфитанский собор в ряд лучших церквей Итальянского Юга.

Холсты плафона, исполненные в начале XVIII в. живописцем Андреа дель Аста, изображают (начиная от входа) различные эпизоды из жития Первозванного апостола: *Бичевание*, *Распятие*, *Чудо мироточения*, *Положение во Гроб*. В апсиде – полотно того же художника *Распятие Апостола Андрея*, а боковые картины плафона, в поперечном трансепте исполнены в ту же эпоху художником Джузеппе Кастеллано на темы *Призвание Апостола Андрея* и *Чудесный лов*.

В центре алтаря, украшенного малыми колоннами с мозаиками в стиле Космати, резными аналоями (выделяется романский, в форме орла), амвонами – престол, устроенный из гробницы кардинала Пьетро Капуано, главного деятеля перенесения мощей, скончавшегося в 1359 г. На саркофаге изображены Спаситель, Божия Матерь (с противоположной стороны), 12 апостолов, свв. Николай Чудотворец и Василий Великий.

В левом нефе, в самом его начале, на входной стене – православный перламутровый крест, дар городу Амальфи от Иеруса-

лимской Патриархии, в память того, что именно выходец из Амальфитанского края, вышеупомянутый Герард де Саксо, стал основателем первого госпиталя и странноприимного дома на Святой Земле.

Здесь же, над крестом, – огромный холст *Призвание Апостола Андрея* художника-эмигранта Василия Николаевича Нечитайлова (Ростов-на-Дону,

29 июля 1886 – Амальфи, 12 августа 1980)³⁸.

Правый неф начинается, на входной стене, холстом *Святые Апостолы Андрей и Матфей спасают жителей Салернитанского залива от турецких пиратов* (27 июня 1544 г.): после неожиданной бури, разметавшей турецкий флот, этот день отмечается тут как литургический праздник³⁹.

Заканчивается правый неф капеллой реликвий (сейчас – капелла Примирения, из-за проводимых тут исповедей). В ней в течении многих веков собрана внушительная коллекция реликвий: это частицы мощей свв. праведной Марии Магдалины, преподобного Макария Египетского, мучеников Георгия Победоносца, Екатерины, Агапия, Порфирия, Агафии, Варвары, Вита, Романа, святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. Одна московская православная община, получившая в дар от амальфитанского клира частицу мощей преп. Макария Египетского, передала в знак благодарности русскую икону этого святого, хранимую ныне постоянно в капелле реликвий.

³⁸ См. о нем: *Нечитайлов Ю. Н., Талалай М. Г.* Русский дон Базилио. М.: Старая Басманная, 2014.

³⁹ В Амальфи в этот день чествуется память апостола Андрея, а в Салерно – евангелиста Матфея, небесного покровителя этого города, где хранятся его мощи. Автор холста в соборе дипломатично соединил обе традиции.

На паперти собора можно обозреть бронзовые двери центрального входа в собор, отлитые в Константинополе в 1062 г. по заказу амальфитанца Панталеоне Комите – это был первый

Автор:
Berthold
Werner,
CC BY-
SA 3.0

монументальный портал, привезенный из Византии в Италию. Позднее двери послужили моделью для храмов в Монтекассинно, Сан Паоло «за городскими стенами» в Риме и в Монте-Сантанджело в Апулии. В их центральных панно – четыре образа: Спаситель и Божия Матерь, с надписями на греческом, и апостолы Петр и Андрей, с надписями на латинском. Интересно, что образ Андрея появился тут еще до перенесения его мощей. Главные бронзовые врата, отлитые в 1062 г. в Константинополе мастером Симеоном «Сирийским», по заказу Панталеоне.

Муравьев, описывая амальфитанскую святыню, воззвал к соотечественникам: «Странно однако, что мы, русские, для которых особенно должна быть священна память сего великого Апостола, водрузившего первый крест на горах Киевских и предрекшего грядущую славу нашей родины, мы, русские, не знаем о находении святых мощей в Амальфи, хотя однако

Автор:
Berthold
Werner,
CC BY-
SA 3.0

многие странствуют гораздо дальше – в Бари, на поклонение Святителю Николаю».

И в действительности, как будто в ответ на этот призыв позапрошлого века, амальфитанский собор в последнее время стал одним из излюбленных мест российского паломничества в Италии.

... Другие православные – и в первую очередь, греки, редко посещают гробницу с мощами Апостола, вероятно, не смирившись с фактом их хищения из Константинополя – хотя известно, что турки не пощадили собор Двенадцати Апостолов, где они хранились до 1208 г. Разрушив собор, мусульманские завоеватели уничтожили и все его реликвии, в том числе и мощи св. императора Константина, в то время как мощи Первозванного теперь благополучно почивают в Италии...

Переменить сдержанное отношение греческого мира к Амальфитанской святыне, как мы надеемся, сможет состоявшийся 22 октября 2007 г. визит в Амальфи патриарха Варфоломея и принятие им из рук местного архиепископа Горация (Орацио) Соричелли частицы мощей Апостола (изъятой от его честной главы⁴⁰). Во время той церемонии патриарх сказал: «Считаю необыкновенно важным наше присутствие в Амальфи и передачу реликвии апостола Андрея, нашего Небесного покровителя, также как и покровителя святых амальфитанских отцов. Да дарует Господь милость духовным и гражданским руководителям в деле мирного сотрудничества, любви и дружбы с Константинопольской Церковью в чаянии возвращения к блаженному единству христианского мира, бывшего до печального раскола, в духе афонских отцов, выходцев из Амальфи»⁴¹.

⁴⁰ От амальфитанской реликвии не раз изымались частицы для передач, в том числе – для русской церкви во Флоренции, для домового храма в Папском Восточном институте в Риме, для кафедрального Троицкого собора в Тбилиси.

⁴¹ Приходской листок “La Voce del Pastore”, № 190, 31.10.2007.

Вселенский Патриарх во время своего визита принял от мэра города и звание почетного гражданина Амальфи – этот жест амальфитанцев, вместе с передачей частицы мощей, может восприниматься как желание в завуалированной форме получить прощение за участие их предков в разгроме Константинополя во время Четвертого крестового похода и в разграблении его святынь.

В самом деле, хотя два самых знаменитых перенесения святынь из Византии в Италию – святителя Николая (1087 г.) и апостола Андрея (1208 г.) – внешне, в качестве *sacro furto*⁴², схожи между собою, однако их различает многое. Первое произошло спустя несколько лет после официального раскола Церквей, когда он еще не проник в глубь христианства и воспринимался многими как очередная ссора иерархов, и когда участники перенесения, баряне, вовсе не чувствовали себя церковно разделенными с греками, а те – с итальянцами. Второе совершилось в другую историческую эпоху, в рамках военной агрессии латинского Запада против православного Востока, когда крестоносцы уже считали греков схизматиками, заслуживающими наказания. Именно поэтому перенесение мощей св. Николая в Бари получило на Руси и обрамление в виде православного праздника (народное название «Никола Вешний»), в то время как перенесение мощей апостола Андрея в Амальфи подобного празднования в Восточной Церкви никогда не получит.

При этом в православном сознании несомненным остается убеждение, что в конце концов Божьим Промыслом мощи Первозванного, перенесенные в Амальфи, были спасены от их грядущего поругания в Царьграде, ставшем «агарянским» Стамбулом.

⁴² «Святая кража», средневековый термин, реабилитировавший такого рода добычу реликвий.